УДК 81'42:82-1 М.Цветаева

ТЕОНИМИЧЕСКАЯ ЛЕКСИКА В ПОЭТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ М. ЦВЕТАЕВОЙ

А. А. Гируцкий
(Минск, Беларусь)

Аннотация

В статье рассматривается теонимическая лексика в поэтическом дискурсе М. Цветаевой. Характеризуются роль и место античных и христианских теонимов в ее поэтических текстах.

Ключевые слова: теонимическая лексика, поэтический дискурс, античные теонимы, христианские теонимы, поэзия М. Цветаевой.

Summary

The article deals with the theonymic vocabulary in M. Tsvetaeva's poetic discourse. The role and place of the ancient and Christian theonyms in her poetic texts are characterized.

Key words: theonymic vocabulary, poetic discourse, ancient theonyms, Christian theonyms, M. Tsvetaeva poetry.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

В современной лингвистике в состав теонимической лексики включают не только собственные имена Богов и божеств, но и нарицательные наименования, отражающие в языковой картине мира все многообразие культуры того или иного народа, связанное с его религиозными и мифологическими представлениями и верованиями, обычаями и обрядами.

Классификации теонимов как нарицательных наименований достаточно объемны. В них входят: а) названия классов божеств (*богини, боги, ангелы, музы, нимфы, русалки, нереиды, берегини* и др.); б) наименования демонических существ, нечисти (*дьявол, сатана, демон, черт, бес, вампир, ведьма, гарпии* и др.); в) названия абстрактных понятий (*дух, душа, благодать, божья воля, благословение, благочестие, грех, греховность, добро, зло, воздаяние* и др.); г) наименования атрибутов и символов, объектов, связанных с богослужением и особенностями ритуалов (*крест, икона, храм, церковь, монастырь, пономарь, панихида, сорокоуст* и др.); д) названия религиозных праздников (*Рождество, Пасха, Троица, Успенье* и др.) и т.д. [1].

Поэтический дискурс М. Цветаевой, «разливанное море ее лирики» (А. Саакянц) наполнены многообразными сюжетами, темами и мотивами, в которых находят свое отражение язычество и христианство, античная мифология, самобытная русская народная культура с ее мифотворчеством и фольклором, сакральными представлениями и обрядами, мировая культура. Все это преломляется в языке, прежде всего в лексике ее поэтических текстов.

Одной из важных тем лирики М. Цветаевой выступает тема античности. Она является традиционной для русской поэзии еще со времен М.В. Ломоносова и Г.Р. Державина, многие стихотворения которых не обходятся без упоминаний имен Богов или Героев греческой и римской мифологии. Эта тема остается актуальной и в поэзии XVIII–XIX вв. Теонимической лексикой богаты лирические произведения А.С. Пушкина, М.Ю. Лермонтова, Ап. Майкова, Ф.И. Тютчева и других поэтов. Античные герои, сюжеты, образы и символы оживают также и в поэзии М. Цветаевой, получая авторскую интерпретацию. Их значимость для поэта проявляется по-разному в различные периоды творчества М. Цветаевой. Пожалуй, более всего эту значимость выражают произведения, построенные на античной тематике. К таковым относятся стихотворные драматические произведения «Ариадна» и «Федра».

Характеризуя трагедию «Ариадна», А. Саакянц отмечает, что это не столько драматическое произведение, сколько поэма в диалогах, в которой М. Цветаева трактует античный миф так, как будто речь идет о чувствах простых людей. Не выходя за рамки традиционного мифологического сюжета, в котором земную женщину *Ариадну* любят одновременно смертный (*Тезей*) и божество (*Вакх*), М. Цветаева переосмысливает его коллизии на свой лад как нераспутываемый узел противоречивых страстей человеческих [2, 19 – 20].

Близки к земле и персонажи трагедии «Федра», в которой присутствуют любовь стареющей заглавной героини к своему пасынку, его юношеские максимализм и жестокость, интриги сводни-кормилицы. В «Федре» М. Цветаева акцентирует внимание на психологическом конфликте, снижая линию неотвратимости божественного промысла (люди всего лишь орудия, которыми двигают боги) и отбрасывая финал еврипидовского варианта трагедии, в котором Артемида разъясняет все произошедшее и обещает умершим отмщение и вечную славу [3, 632 – 633].

Трагедии наполнены духом греческой мифологии, ее Богами, божествами, героями, символами, обрядами, что находит свое отражение в теонимической лексике: *Зевс, Посейдон, Вакх, Афродита, Пеннородная, дева Паллада, Аид, Харон, Стикс, Дедал, Минотавр, Геракл, Прокруст, Химера, Ариадна, Андрогей, Тезей, Федра, Пасифая, Минос, Эгей, жрец, боги, богини, богоравная, дух, душа, провидец, жертва, риза, заповедь, бессмертие, бессмертный, жертвенная ладья, жертвенный ладан, фимиам, грешный, плакальщики, храм* и др.

В поэтическом дискурсе М. Цветаевой многолик античный теоним *муза*. В поэме «На красном коне» поэт вообще отрицает роль Музы в ее жизни и судьбе:

Не *Муза*, не *Муза*
Над бедною люлькой
Мне пела, за ручку водила.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

Не *Муза* холодные руки мне грела.
Горячие веки студила.
Вихор ото лба отводила – не *Муза*,
В большие поля уводила – не *Муза* [3, 265].

Цветаевская муза часто совсем не похожа на греческую Каллиопу, на божество, на зеленоглазую светловолосую красавицу, как, например, в стихотворении «Муза». Суровая, неуютная реальность, в которой по большей части жила и творила М. Цветаева, определила и внешний облик ее музы, и ее отношение к поэту:

Под смуглыми веками –
Пожар златокрылый.
Рукою обветренной
Взяла – и забыла.

Подол неподобранный,
Ошмёток оскаленный.
Не злая, не добрая,
А так себе: дальняя [3, 174 – 175].

Обветренной рукой муза дала талант М. Цветаевой: *Рукою обветренной // Дала – и забыла.* Забыла «встроить» этот талант в реальность, в которой люди «*сшибаются лбом*», надсадив при этом «великой мукой» (А. Саакянц) – «*за всех страдать под звуки органа»* (Молитва).

Забыла – и роскошью
Гортанною, клекотом…
– Храни ее, Господи,
Такую далекую! [3, 175].

Однако М. Цветаева «*не плачет, не сетует*» на свою музу, хотя земные «*низости дней*» нередко заставляют ее музу терзаться неразрешимыми противоречиями между реальным бытием и назначением поэта:

Что же мне делать, певцу и первенцу,
В мире, где наичернейший – сер!
Где вдохновенье хранят, как в термосе!
С этой безмерностью
В мире мер?! [3, 208].

Но все же в трактовке музы поэта у М. Цветаевой преобладает другая тональность: творческое самосожжение, «*пожирающий огонь»,* оспаривание «*бога у богинь».*

Поэтов путь: жжя, а не согревая.
Рвя, а не взращивая – взрыв и взлом –
Твоя стезя, гривастая кривая,
Не предугадана календарем! [3, 207].

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

Иной предстает муза в стихотворении под названием «Ахматовой». Но это уже не муза самой М. Цветаевой, а муза А. Ахматовой, которая, в отличие от цветаевской музы, и обликом, и нравом иная:

О, *Муза плача*, прекраснейшая из муз!
О ты, шальное исчадие ночи белой!
Ты черную насылаешь метель на Русь,
И вопли твои вонзаются в нас, как стрелы [3, 100].

Здесь Муза превращается в одну из Эринний – богиню мщения, безжалостно и неустанно карающую всякую несправедливость.

И все же, несмотря на различные смысловые оттенки, цветаевская Муза – небесная посланница, которая мужает среди суровых, мучительных, печальных земных бурь. Начинаясь на Земле романтической первозданностью восприятия бытия, полудетскими жизненными впечатлениями, проходя через различные стадии развития, связанные с историческими и личными обстоятельствами, она сохраняет небесное предназначение поэта: сгорать «*в тайном жаре*» души, чтобы затем уйти в небеса.

Оплетавшие – останутся
Дальше – высь.
В час последнего беспамятства
Не очнись. <…>

Я душа твоя: *Урания* –
В *боги* – дверь.
В час последнего слияния
Не проверь! [3, 100].

В этом стихотворении М. Цветаева обращается к музе астрономии – *Урании*, которую просит, ввиду ее близости к Богам, космосу, открыть ей после смерти двери в небеса.

В других стихах можно найти россыпь других античных теонимов (*Елена, Троя, Орфей, Психея, Феб, Эол, Эмпедокл, авгур, дракон, лавр, лира, амазонки* и др.), несущих в себе определенную символическую нагрузку.

Поэтический дискурс М. Цветаевой наполнен христианской теонимикой. Христианский (шире – мифологический, межконфессиональный) теоним *душа* является, пожалуй, даже в большей степени определяющим для особенностей ее поэтического творчества, чем теоним *муза.*

Жизненное, творческое, мировоззренческое кредо М. Цветаевой концентрируется в ее девизах, ключевым словом в которых является теоним *душа*: «Вся моя жизнь – роман с собственной *душой*»; «Мне ничего не нужно, кроме своей *души*!» [2, 8].

«*Моя душа мгновений след…*», – заявит она уже в раннем стихотворении «Молитва». Здесь же ей хочется, чтобы эти мгновения были наполнены кипящей и бурлящей жизнью, жаждой *«сразу всех дорог»*:

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

Всего хочу: *с душой* цыгана
Идти под песни на разбой,
За всех страдать под звук органа
И амазонкой мчаться в бой;

Гадать по звездам в черной башне,
Вести детей вперед, сквозь тень…
Чтоб был легендой – день вчерашний,
Чтоб был безумьем – каждый день! [3, 38].

В сущности, все творчество М. Цветаевой – это отражение «*тайного жара*» ее души: любви к жизни, вдохновенной творческой силы, радости бытия и в то же время неустанного противоборства с его темными сторонами, со стремлением жизненных обстоятельств, в которых «*мы так мало можем»*, погасить этот «*тайный жар*» души.

Поэтический дискурс М. Цветаевой синтезирует в себе религиозное сознание верующего, духовное наполнение христианства и их образное, художественное отражение. Иногда ее стихи носят форму молитвы и даже соответствующее название: «Молитва», «Еще Молитва». Сама молитва, конечно же, имеет художественную форму, сохраняя непременный атрибут – обращение по имени к тому, к кому она направлена. Обращения могут быть в традиционной форме, в виде родового названия Бога:

Я не молю: «О, *Господь*, уничтожи
Муку Грядущего дня!»
Нет, я молю: «О пошли ему, *Боже,*
Сон про меня!» [3, 44].

Или: Дай мне душу, *Спаситель*, отдать – только тени
В тихом царстве любимых теней [3, 49].

Иногда М. Цветаева в своей поэтической молитве обращается к Господу по его личному имени:

Дай понять мне, *Христос*, что не всё только тени,
Дай не тень мне обнять, наконец! [3, 48].

М. Цветаева может обращаться к Господу как к Богу и человеку одновременно, то есть как к Богочеловеку:

Христос и Бог! Я жажду чуда
Теперь, сейчас, в начале дня!
О, дай мне умереть, покуда
Вся жизнь как книга для меня [3, 48].

Употребление звательной формы различных родовых названий Бога может быть просто выражением того или иного эмоционального состояния лирического героя, например:

Жизнь распахнулась, но всё же…
Ах, золотые деньки!
Как далеки они, *Боже!*

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

Господи, как далеки! [3, 54].

Или: Так, *Господи!* И мой обол
Прими на утвержденье храма.
Не свой любовный произвол
Пою – моей отчизны рану[3, 100].

Среди других христианских теонимов у М. Цветаевой находим:

1) названия верховного Бога, божеств высшего уровня и их классов: *Вседержитель, Отец (Отче!), Небесный Царь, Светоносный, Сын (Сыне!), Богородица, Божья мать, Дева, богиня, бог, боги* и др.;

2) наименования божеств более низкого уровня: *ангел, сонм ангелов, серафим, херувимы, небесные силы, пророк* и др.;

3) имена библейских персонажей: *Иаков, Иоанн, Марк, Матфей, Лука, Иоанн Богослов, неверующий Фома, Саул, Давид, Иродиада, Лазарь* и др.;

4) теонимы-топонимы, связанные с историей христианства: *Вифлеем, Иордань, сады Эдема, Палестина* и др.;

5) названия мест, где обитают Боги и божества: *Твердь небесная, архангельские высоты, царство небесное, рай* и др.;

6) теонимы, обозначающие концептуальные понятия христианства, события Нового Завета: *триединство Господа, Дух-Голубь, Страшный суд, Господень хлеб, Благая весть, вечный сон, неопалимая купина, распятие, снятие с креста, заповедь* и др.;

7) теонимы, связанные с богослужением, христианскими праздниками и ритуалами: *звон колокольный, яйца на блюде, пасхальный звон, Пасха, Рождество, Сорокоуст, молиться, благословлять, креститься, паломничество, обедня, фимиам* и др.;

8) названия служителей культа: *поп, монах, монашки, смиренный странник, богомолки, праведник, чернокнижница, колдунья* и др.;

9) наименования православных христианских сооружений, их внешних и внутренних частей: *Софийский купол, Страстной монастырь, Сергий-Троица, церковь, храм, церковки златоглавые, часовня, купола, колокола, святилище, православный крест, алтарь, икона, иконка* и др.;

10) абстрактные теонимы: *дух, душа, грех, бездна, вера, ад, адов огонь, смертный грех, возмездие* и др.;

11) наименования демонических существ, нечисти: *демон, змей, Змий, дьявол, черт* и др.;

12) устойчивые выражения: *видит Бог! Христос Воскресе! дай вам Бог! успокой Господи душу усопшего! Бог весть! Во веки веков. Аминь! упаси Бог! спаси Бог! да поможет вам Бог! Господи всеблагий! Навеки вечные! Господи помоги! Боже правый! Во имя твое! Спаси Боже! С Богом! Давай Бог! как у Христа за пазухой, тьма египетская, навеки вечные* и др.

Такая широкая представленность теонимической лексики в поэтическом дискурсе М. Цветаевой свидетельствует не только об особенностях ее художественного мировоззрения, но и о духовности, высокости ее поэзии,

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ

стремления достигнуть если не в реальной жизни, то в творчестве своего абсолюта.

Трудно не согласиться со словами Вс. Рождественского, что новаторство поэтической речи М. Цветаевой «было естественным воплощением в слове мятущегося, вечно ищущего истины, беспокойного духа». Со своей «не просто сложившейся судьбой, со всей яркостью и неповторимостью самобытного дарования» она по праву вошла в русскую поэзию [4, 22].

Литература

1. Мальсагова, М.А. Теонимическая лексика как система (на материале художественных текстов) / М.А. Мальсагова. – Назрань: ООО «Пилигрим», 2011. – 144 с.
2. Саакянц, А. Марина Цветаева // М.И. Цветаева. Избранные произведения: в 2-х тт. Т 1. Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения. – М.: «Литература»; СПб.: «Кристалл», 1999. – С. 5 – 30.
3. Цветаева, М.И. Избранные произведения: в 2-х тт. / М.И. Цветаева. Т 1. Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения. – М.: «Литература»; СПб.: «Кристалл», 1999. – 656 с.
4. Рождественский, Вс. Марина Цветаева // М.И. Цветаева. Сочинения: в 2-х тт. Т 1. Стихотворения. Поэмы. Драматические произведения. - Мн.: Нар. асвета, 1988. – С. 3 – 22.

РЕПОЗИТОРИЙ БГПУ